

ВОЗРОЖДЁННАЯ ИЗ ПЕПЛА

ИЛЬИНА АНГЕЛИНА



18+

Ангелина Ильина

«Возрожденная из пепла»

«Автор»

2026

Ильина А.

«Возрожденная из пепла» / А. Ильина — «Автор», 2026

Мы пройдем весь путь с Лифанией — от наивной студентки, которая не могла запомнить простейшее заклинание, до правительницы, которая вернула миру огонь. Мы видели, как она возродилась из чёрного пепла. Как собрала армию изгоев. Как вернулась в Столицу. Как простила — но не забыла. Как нашла любовь — не ту, о которой мечтала, а ту, которая была ей нужна.

© Ильина А., 2026

© Автор, 2026

Ангелина Ильина

«Возрожденная из пепла»

ГЛАВА 1. Вызов к директору, или Контракт с тенью

I. Урок, который пошёл наперекосяк

Голос профессора Моргана Хеллпса разорвал тишину аудитории, как топор — сырое полено.

— Лифиния Кроус!

Я вздрогнула так, что перо в моей руке дрогнуло и оставило на пергаменте кляксу, похожую на маленького чёрного паука. Чернила расплзлись по бумаге, впитываясь в волокна, словно кровь в лён.

Профессор Хеллпс был вне себя. Его левая бровь нервно подёргивалась — так быстро, что казалась размытой, — а мантия развевалась за спиной, словно крылья рассерженной летучей мыши. Видимо, он не мог сдерживать ауру магического давления. Он ворвался в аудиторию, чтобы провести лекцию по защитным заклинаниям, но вместо «Доброго утра, юные дарования» мы получили порцию холодного гнева.

Я недоуменно моргнула. Сокурсники тут же начали переглядываться, а я, прижав плечи к холодной деревянной скамье, инстинктивно попыталась съехать пониже.

Если я прижмусь сильнее, — подумала я, — возможно, гравитация поглотит меня, и это станет лучшим событием моего дня.

Но от его сверлящего взгляда спрятаться было невозможно. Хеллпс рыкнул — да-да, именно рыкнул, как голодный тролль из северных гор — и ткнул пальцем в массивную дубовую дверь, окованную железом:

— К директору. Быстро!

Липкий, холодный ужас окатил меня с ног до головы. Я подскочила, расплескав чернила:

— Как к директору? Но ведь мистер Фаршт ушёл в отставку... А я всего лишь сдала экзамен на «удовлетворительно»! Ну, может, на «хорошо» с минусом!

Не успев договорить, я получила удар невидимой воздушной волной в спину. Споткнувшись, я едва не приложилась носом о каменный пол и оказалась прямо у двери. Хеллпс хлопнул ею, и мы остались в коридоре вдвоём.

II. Коридор, который давил

Мы шли молча. Стены академии, обычно казавшиеся надёжным укрытием, сегодня давили высокими сводами. Гобелены с изображениями древних битв словно следили за мной — их нарисованные глаза поворачивались, стоило мне отвести взгляд.

— Проф... профессор Морган... — голос предательски дрогнул. — Скажите, произошло что-то серьёзное? Зачем идти к директору? Ведь я успешно сдала вам прошлый экзамен.

Профессор резко развернулся. Его тень накрыла меня, и он ответил зловещим хриплым шёпотом:

— Адептка Кроус, вас интересует лишь прошедшая сессия?! Да эта проклятая сессия тянется уже одиннадцать месяцев! Но дело не в этом. Вы осознаёте, какую ситуацию создали? Никто в истории Академии, включая самых никчёмных учеников, не подписывал контракт с работоторговцами! И уж точно никто не имел дела с «Блаженными вратами». Это запрещённая группировка, полная мерзавцев, лишённых чести. А вы даже не достигли совершеннолетия!

Эти слова ударили сильнее любого заклинания. Мир пошатнулся.

— Я?... Что именно я сделала?... — я растерянно развела руками. — Профессор, я ничего не понимаю! Я в жизни не видела ни одного работоторговца! Я даже с торговцами на рынке спорю, когда мне пересчитывают медяки за сушёные травы!

— Довольно болтать попусту! — перебил он меня раздражённым криком. — Надо было заранее думать головой!

III. Провал в памяти

Пока мы шли по извилистым коридорам, разум отчаянно пытался справиться с обрушившейся информацией. В памяти всплывали обрывки прошлой ночи.

Смутный разговор мастера Малвана, моего наставника, с таинственным посетителем. Приглушённые слова: «*Блаженные врата*», «*контракты*», «*законы Баритонии*». Тогда я решила, что мастер ругается с поставщиками зелий. Теперь они отзывались эхом леденящей тревоги.

Я помнила, как вечером закрыла мастерскую, настроила охлаждающий кристалл и вышла на Аллею Бритта. Помнила мерцание магических фонарей, запах прелых листьев, лёгкий ветерок, шевеливший волосы... А дальше память словно растворялась в густом, вязком тумане.

Дверь кабинета директора на четвёртом этаже казалась пастью хищника. Профессор осторожно постукал.

— Входите, — донёсся спокойный, властный голос.

IV. Трое мужчин и кубок с правдой

Я переступила порог. Время замедлилось.

В центре кабинета, за массивным столом из красного дерева, сидели трое мужчин. Мой взгляд первым делом упал на нового директора — лорда Эларата Маркса.

Высокий, стройный, с безупречной осанкой. Его светлые волосы были собраны в хвост, а серовато-синие глаза сияли холодной сталью. Он смотрел на меня так, словно его взгляд проникал сквозь плоть, читая каждую тайну. Рядом с ним стояли лорд Первич — суровый следователь с серебряной щетиной, — и лорд Ардган, чья изящная улыбка казалась совершенно неуместной в этой мрачной комнате.

— Мисс Кроус, — начал Эларат, и его голос заставил моё сердце пропустить удар. — Вас обвиняют в заключении незаконного контракта. Контракт подписан лично вами.

— Ошибки исключены, — сухо добавил Первич, протягивая мне кубок с мутной жидкостью. — Выпейте. Сыворотка истины. Без неё мы не сможем продолжить.

Я взяла кубок дрожащими руками. Отвар на вкус напоминал прогорклую патоку и полынь. Я поморщилась, но выпила до дна. Почти мгновенно по телу разлилось странное, обжигающее тепло. Мысли стали пугающе ясными.

— Последнее, что я помню... — начала я ровным, но усталым голосом, — это уход из мастерской Малвана. Прогулка по Аллее Бритта. А дальше... провал. Я проснулась утром с головной болью. Я не подписывала никаких контрактов. Я впервые слышу о «Блаженных вратах». — Я вдруг икнула, поспешно прикрыв рот ладошкой, и краснея добавила: — И ещё я вчера украла у старосты Гарольда шоколадную конфету, потому что он жадина, но это не связано с работоторговцами, клянусь!

Один из магов одобрительно хмыкнул:

— Действительно, правдивые слова. Хорошее средство, жаль, что вне закона.

Эларат медленно встал. В его глазах мелькнуло что-то похожее на облегчение, смешанное с глубокой, скрытой болью.

— Мы признаём наличие внешнего вмешательства, — объявил он. — До завершения проверки вы отстранены от занятий и переведены на домашнее обучение. В моё поместье.

V. Маргарет и её молния

Покинув кабинет, я направилась в классную комнату за вещами. Но у выхода меня поджидала Маргарет Грэтт.

Окружённая свитой, она выглядела как королева, сошедшая с трона. Её идеальные локоны блестели, а мантия была отглажена так, что с неё можно было бы пускать солнечных зайчиков.

— Смотрите-ка, кто пришёл! Наша бедная сирота! — язвительно протянула она, преграждая мне путь. — Наверное, преподаватели наконец заметили ваше ничтожное мастерство? Или вы поступили благодаря другим заслугам? Например, проведя четыре часа в кабинете директора?

Слова Маргарет вызвали острую обиду. Но прежде чем я успела ответить, она взмахнула рукой. Мощное заклинание молнии ударило меня прямо в грудь.

Боль пронзила тело, вызвав онемение конечностей. Я рухнула на холодный каменный пол, хватая ртом воздух. Толпа вокруг захохотала.

«Если я выживу, — подумала я, лежа на полу и чувствуя запах озона, — я превращу её волосы в гнездо для болотных жаб. И научу жаб петь оперные арии».

Именно в этот момент появился Эларат. Его присутствие мгновенно изменило воздух в коридоре — он стал тяжёлым, как перед грозой.

— Что здесь происходит?! — рявкнул он.

Толпа притихла. Маргарет, побледнев, попыталась улыбнуться:

— Милорд, мы всего лишь пытались научить нашу подружку вежливым манерам.

Забыв о боли, я встала, с трудом сохраняя баланс. Желание защищаться превратилось в жажду справедливости, но, осознав, что любой мой ответ лишь усугубит положение, я вернулась и выбежала прочь.

VI. Фея и ритуал

Уже на улице, тяжело дыша, я прибежала к аллее Бритта. И именно там, в тени старых вязов, я натолкнулась на неё. Маленькое, дрожащее существо с прозрачными крыльями, покрытыми грязью и кровью.

Раненая фея.

Я бережно взяла её в ладони. Вокруг тут же начали порхать другие феи, издавая тревожные, звенящие звуки.

— Лифа, что случилось? — раздался запыхавшийся голос. Мастер Малван подбежал ко мне, широко раскрыв глаза.

Не отвечая, я раскрыла ладонь. Малван внимательно осмотрел существо и вдруг замер. Его лицо потемнело.

— Лиф... это клеймо рабского происхождения, — тихо произнёс он, указывая на крошечную татуировку на ступне феи. — «Блаженные врата». Они планируют уничтожить её изнутри, чтобы вытянуть магию.

Я почувствовала, как ноги подкашиваются. Но Малван уже хлопнул себя по лбу:

— Ты же чародейка! Ты можешь заключить с ней союз! Это единственный способ спасти её!

Под его руководством я начертила на столе круг, вооружилась пером и, сосредоточившись, начала выводить древние символы. Фея слабела на глазах, становясь полупрозрачной.

— *Равадо-Каёли, Зэйкали-Ярфан, Армирзох-Миери,* — произнесла я.

Голос вибрировал. Энергия циркулировала по кругу, но её не хватало. Огонь свечи начал угасать. Отчаяние сжало горло. Горячая слеза скатилась по щеке и упала на край нарисованного круга.

Вспышка синего пламени осветила комнату. Фея приподнялась, совершила полный оборот в воздухе и мягко приземлилась на предплечье Малвана. Чёрный дым, символ освобождения от клейма, рассеялся в воздухе.

Но внезапный, неестественно сильный порыв ветра ударил в окно. Свечи погасли. Меня отбросило назад, и я ударилась головой о пол.

Последнее, что я услышала, был испуганный голос Малвана:

— Лифа, очнись!

Потом наступила тьма. И я провалилась в сон, полный ярких, болезненных образов и запахов гари...

ГЛАВА 2. Тьма, в которой пахло мёдом и гарью

I. Сны

Тьма была не просто темнотой. Это было живое, дышащее ничто — густое, как смола, тёплое, как кровь. Моё сознание плавало в нём, не зная, где верх, где низ, где я — а где просто воспоминание о мне.

Где-то очень далеко, на самом дне этого забытья, доносились голоса. Они звали меня по имени, но я не могла разобрать слов — они растворялись в гуле, похожем на далёкий грохот подземных рек. Один голос был низким, властным, с той самой стальной ноткой, от которой сердце пропускало удары. Второй — хриплым, полным боли. Третий — тихим, почти материнским.

Я тянулась к ним. Но тьма держала крепче.

И тогда начались сны.

Сначала — запах. Сладкий, медовый, с примесью чего-то дымного — будто в камине горели яблоневые поленья. Тело узнало этот запах раньше, чем разум. Оно вспомнило.

Мамины волосы.

Я видела себя маленькой, лет семи. Стояла посреди гостиной — той самой, с высоким потолком и лепниной в виде виноградных лоз. В камине потрескивали угли, отбрасывая на стены тёплые, пляшущие тени.

Мама наклонялась надо мной. Её волосы — живое пламя, цвета спелой вишни с переливами крови — падали на моё лицо мягкой занавеской. Она улыбалась той самой улыбкой, от которой у меня внутри всегда становилось тепло и спокойно.

— Ты особенная, моя птичка, — шептала она, и её пальцы, тонкие и тёплые, гладили меня по щеке. — Помни это. Что бы ни случилось — ты особенная.

Я хотела спросить: «Почему? Что со мной не так?» Но не успела.

В комнату вошёл отец. Высокий, широкоплечий, с короткими белокурыми волосами и голубыми глазами, в которых всегда плясали искры смеха. Сейчас он смеялся — тихо, тепло, так, что у меня внутри тоже начинало смеяться что-то маленькое и счастливое. В руках он держал плюшевого зайца — моего любимого, с оторванным ухом, которое мама так и не смогла пришить.

— Ну что, путешественница, — говорил он, подбрасывая меня так высоко, что я визжала от восторга, — готова к завтрашнему приключению?

— А куда мы едем?

— В Страну Вечного Лета, — серьёзно отвечал он, хотя в глазах плясали бесы. — Там всегда светит солнце, а деревья растут до самого неба. И там живут драконы, которые варят какао.

Мама смеялась. Я тоже. И в этот момент всё казалось таким правильным, таким безопасным, таким... вечным.

Я не знала, что это последнее счастливое воспоминание, которое у меня будет. Не знала, что буду цепляться за него, как утопающий за соломинку, всю оставшуюся жизнь.

Сон сменился — резко, без перехода, как щелчок пальцев.

Ночь. За окнами бушевала гроза. Дождь барабанил по крыше так громко, что казалось — кто-то бросает в неё горсти мелких камней. Гром сотрясал дом, и я вздрагивала, прижимаясь к маме плотнее.

— Не бойся, птичка, — шептала она. — Это просто небо разговаривает с землёй. Они скукают друг по другу, вот и кричат.

— А они не поссорятся?

— Нет, — улыбалась она. — После грозы всегда выходит солнце. Помни это.

Отец сидел в кресле у камина, держа в руках книгу. Его голос — низкий, тёплый, с лёгкой хрипотцой — убаюкивал меня.

— Папа... — бормотала я. — А ты всегда будешь рядом?

Он наклонялся, целовал меня в лоб. Его губы тёплые, щетина колет.

— Всегда, моя маленькая. Даже когда меня не будет видно. Я буду в каждом тёплом ветре. В каждом луче солнца. В каждом твоём дыхании.

Мама наклонялась с другой стороны. Её волосы щекотали мою щёку.

— И я, — шептала она. — Мы всегда будем с тобой, Лифа. Что бы ни случилось.

Они укладывали меня в кровать, укрывали тёплым одеялом. Отец садился рядом, брал мою маленькую ручку в свою большую, тёплую ладонь.

— Спи, птичка. Завтра будет новый день.

Они целовали меня в лоб. Выходили. Закрывали дверь.

И я слышала, как снаружи — щелчок. Тихий, почти неслышный. Это был защитный барьер. Отец установил его, чтобы я не слышала того, что произойдёт дальше.

Но я всё равно слышала.

Сначала — голоса. Чужие. Низкие. Злые. Они доносились откуда-то снизу, из гостиной.

— Нашёл что-нибудь? — спрашивал один. Холодный, как лёд.

— Нет, — отвечал другой. Разочарованно. — Информаторы ошиблись.

Я не понимала, о чём они. Но внутри поднималось что-то липкое, холодное. Страх. Не детский, не тот, что бывает от грозы или от темноты под кроватью. А настоящий. Взрослый. Тот, от которого тело становилось ватным, а дыхание — прерывистым.

Шаги удалялись. Дверь хлопала. Тишина.

Я ждала. Минуту. Две. Десять.

Ничего.

Может, отец сейчас поднимется и расскажет мне, что всё хорошо?

Но он не поднимался. И мама не приходила.

Любопытство — то самое, детское, непокорное, за которое меня столько раз ругали — пересилило страх. Я сползала с кровати. Пол был холодным под босыми ногами. Я шла к двери, открывала её. Коридор тёмный, только лунный свет пробивался сквозь щели в ставнях, рисуя на полу серебряные полосы.

Я спускалась по лестнице. Каждая ступенька скрипела. Мне казалось, что этот звук оглушителен, что он разбудит весь мир.

Но никто не просыпался.

Я доходила до гостиной. Останавливалась в дверях.

И видела.

Они лежали на полу. Рядом. Обнявшись.

Мама — лицом вниз. Её красные волосы раскинулись по полу, как лужа крови. На её спине — раны. Много. Я не понимала, что это. Я просто видела, что что-то не так. Что мама не дышит.

Отец — на боку. Его голубые глаза открыты, но в них нет того смеха, что был раньше. Нет искр. Нет ничего. Его рука сжата в кулак, и между пальцами я видела что-то блестящее.

Медальон.

Тот самый, что он подарил мне утром. Серебряный, с птицей в круге пламени.

Я не помнила, как подходила к ним. Не помнила, как опускалась на колени. Помнила только, что пол липкий. Что на моих руках что-то тёплое. Что это — кровь.

— Мама? — шептала я.

Она не отвечала.

— Папа?

Он тоже молчал.

Я тянулась к медальону. Пальцы отца холодные, как лёд, но я разжимала их — осторожно, бережно, словно боялась сделать ему больно. Медальон падал мне в ладонь. Он был тяжёлый. Слишком тяжёлый для моих детских пальчиков.

Я прижимала его к груди. И тогда я начинала плакать.

Не громко. Не так, как плачут, когда разбивают коленку. А тихо, беззвучно, так, что слёзы текут сами собой, а горло сжимается так, что не может пропустить ни звука.

Я сидела рядом с ними. Не знала, сколько времени. Может, минуту. Может, час. Может, всю ночь.

И тогда я слышала шаги. Сзади.

Я оборачивалась.

Над мной — фигура. Высокая. В чёрной мантии с капюшоном. В руке — что-то блестящее. Длинное.

Я хотела закричать. Но не могла. Горло сжато.

Фигура поднимала руку.

Удар.

Боль. Острая, ослепительная. Потом — темнота.

Я очнулась от запаха гари.

Дым щипал глаза, забираясь в лёгкие, заставлял кашлять. Я лежала на полу, среди обломков. Над мной — провал в потолке, через который лился багровый свет. Огонь. Везде огонь.

Наш дом горел.

Я ползла. Пол был горячим, обжигал ладони, но я не чувствовала боли. Я искала их. Я должна была их найти.

И нашла.

Их тела лежали там же, где я их оставила. Но теперь они были... другие. Обугленные. Неправильные. Я не могла смотреть на них долго.

Я схватила медальон — тот самый, что всё ещё сжимала в руке — и прижала к груди. И тогда я услышала голос.

— Девочка!

Я обернулась.

В дверном проёме стоял мужчина. Молодой, с тёмными волосами, в простой рубахе травника. Он смотрел на меня с таким выражением, какого я никогда раньше не видела. Не жалость. Не страх. Что-то большее. Что-то, от чего у меня внутри сжалось.

— Иди ко мне, — сказал он. — Иди, маленькая. Я не причиню тебе вреда.

Я не помнила, как дошла до него. Помнила только, как он подхватил меня на руки — легко, словно я была пушинкой — и вынес из горящего дома. Помнила, как за моей спиной обрушилась крыша. Помнила, как он прижал меня к себе, закрывая от искр.

Помнила, как он шептал что-то. Тихо, почти беззвучно. Слов я не разобрала. Но интонация — та, что была в его голосе, — осталась со мной навсегда.

Это была интонация клятвы.

Сон начал растворяться. Образы мамы и папы стали таять, как дым. Я тянулась к ним, но они ускользали.

— Мама! Папа! Подождите!

Но они уже были далеко. И тогда я услышала другие голоса. Тихие. Далёкие. Чужие.

— ...температура падает. Ритуал забрал слишком много...

— ...держись, девочка. Держись...

— ...лорд Маркс, она не выдержит. Мы должны...

— ...НЕ СМЕЙТЕ! Она выживет. Я приказываю ей выжить!

Последний голос был низким, властным, с той самой стальной ноткой, что заставляла сердце пропускать удары. Я слышала его раньше. Где? Когда?

Но сон уже утаскивал меня обратно. И я провалилась в новое забытьё — уже без образов, без звуков, только с ощущением, что кто-то держит мою руку. Крепко. Словно боясь отпустить.

II. Пробуждение

Я очнулась от запаха лаванды.

Не от гари. Не от дыма. От лаванды — нежной, сладкой, успокаивающей. И ещё от чего-то — от старой древесины, от воска, от чего-то, что напоминало мне кабинет директора.

Я открыла глаза.

Первое, что я увидела, был потолок. Не привычный, покрытый трещинами потолок моей комнатки в общежитии, а высокое, расписное небо из лепнины — ангелы, виноградные лозы, золотые завитки. Над ним нависал балдахин из кремового шёлка, мягко развевающийся, словно от невидимого дыхания.

Я попыталась приподняться, но тело было тяжёлым, ватным. Голова гудела, как растревоженный улей. Во рту пересохло, а язык казался чужим — шершавым и непослушным.

— Где... где я? — прохрипела я, и собственный голос испугал меня. Он звучал так тихо, словно принадлежал кому-то другому.

Мой взгляд скользнул по комнате. Огромная кровать с резными ножками, покрытая горами подушек. Камин, в котором тлели угли, хотя на улице, судя по свету из окон, был день. Высокие окна с витражами, через которые пробивались лучи солнца, окрашивая пол в радужные пятна.

И...

Моё сердце пропустило удар.

У окна, в глубоком кожаном кресле, сидел он.

Лорд Эларат Маркс.

Он держал в руках книгу — старинный фолиант в тёмном переплёте, — но не читал. Его серовато-синие глаза были прикованы ко мне. В этом взгляде было столько всего — напряжение, облегчение, какая-то древняя, непостижимая печаль, — что я инстинктивно попыталась укрыться одеялом.

И только тогда заметила, что на мне не моя одежда. Не студенческий халат, не привычная рубашка. Тонкое, почти прозрачное белое платье с кружевами на плечах и груди. Ткань была такой лёгкой, что казалась сотканной из утреннего тумана. И такой... откровенной.

Моё лицо вспыхнуло так, что я почувствовала, как жар разлился по щекам, шее, даже кончикам ушей.

— Как... как я здесь оказалась? — прошептала я, стараясь не смотреть на него. — Что со мной было?

Эларат медленно отложил книгу. Его движения были плавными, почти бесшумными — как у хищника, который не хочет спугнуть добычу. Он поднялся с кресла и подошёл к кровати. Опустился на одно колено у самого края, оказавшись со мной почти на одном уровне.

— Вы были без сознания четверо суток, — произнёс он тихо. Его голос был ровным, но в нём слышалось напряжение, словно натянутая струна. — Ритуал, который вы провели с феей... он забрал больше, чем мы ожидали. Дом лорда Первича был ближе всего, поэтому я привёз вас сюда.

Четверо суток? — мелькнуло у меня в голове. *Я спала четверо суток?*

Мы? — подумала я, вспомнив обрывки голосов из бреда. *Он сказал "мы"? Кто это "мы"?*

Но я не успела задать вопрос.

Его рука поднялась. Длинные, аристократичные пальцы с тонкими серебряными кольцами медленно, почти неохотно, потянулись к моему лицу. Я замерла, не в силах отстраниться. Его прикосновение было лёгким, почти невесомым — кончиками пальцев он коснулся моей щеки, и по коже пробежали мурашки.

Не от жара. От чего-то гораздо более странного.

Он склонялся ближе. Его дыхание стало теплее, ближе...

ТУК-ТУК-ТУК.

Резкий стук в дверь разорвал воздух, как удар хлыста.

Эларат замер. На его лице мелькнуло что-то похожее на раздражение — или, может быть, на досаду, что его прервали в момент, который он... *что?* Я не успела додумать эту мысль. Он медленно, с видимым усилием, отстранился от меня и выпрямился.

— Входите, — произнёс он холодно. И в этом слове было столько стали, что у меня по спине пробежал холодок.

Дверь плавно отворилась, и в комнату вошли двое. Лорд Первич — широкоплечий, с серебристыми волосами и взглядом, от которого становилось не по себе. Этот дом принадлежал ему — я вспомнила это из обрывков бреда. И лорд Ардган — стройный, с длинными белокурыми волосами, заплетёнными в замысловатые косички, и с той самой изящной улыбкой, которая казалась совершенно неуместной в любой серьёзной ситуации.

Я инстинктивно вжалась в подушки. И только сейчас по-настоящему осознала, как я выгляжу в их глазах. Тончайшее белое платье, сползшее с плеча. Растрёпанные волосы. Босые ноги, торчащие из-под одеяла. И лицо, горящее таким румянцем, что, казалось, можно было варить на нём яйца.

— Эларат, — начал лорд Первич, бросив на меня быстрый, оценивающий взгляд. — Она же только недавно очнулась. Учитывая её внешний вид и... э-э... одежду...

— Да, вы совершенно правы, — сухо произнёс Эларат, не оборачиваясь. — Мне следовало вас об этом предупредить заранее.

Что-то во мне щёлкнуло.

Вся эта абсурдная ситуация — похищение из академии, странный допрос, потеря сознания, пробуждение в чужой постели в полупрозрачном платье в присутствии троих мужчин, один из которых только что почти... почти... — всё это обрушилось на меня лавиной, и я не выдержала.

— Нет! — выпалила я, вскакивая с кровати так резко, что одеяло слетело на пол. — Вы должны были никого не пускать сюда! И сами выйти из спальни!

Мои руки лихорадочно шарили вокруг и нашли единственное доступное оружие — мягкую, пухлую подушку с вышитыми серебряными нитями. Я сжала её в пальцах, чувствуя, как возмущение кипит во мне, требуя выхода.

— Мисс Кроус, успокойтесь... — начал было лорд Ардган с той самой раздражающей улыбкой.

Но я его не слушала. Я уже замахнулась.

Если я не могу ударить его кулаком, — мелькнуло у меня в голове, — *то хотя бы подушкой!*

И запустила.

Подушка описала в воздухе величественную дугу. Слишком величественную. Слишком длинную.

Она пролетела в добрых полуметре от головы Эларата, миновала плечо лорда Первича и с тихим шмяк вылетела в открытое окно.

Тишина.

Абсолютная, оглушающая тишина.

Я замерла, проследив взглядом за летящей за окно подушкой. Где-то внизу, в саду, раздался удивлённый возглас садовника, которого, видимо, только что чуть не прибило летящим снарядом.

Моё лицо горело так, что, казалось, могло расплавить железо.

— Я... это... она сама... — забормотала я, лихорадочно соображая, как выпутаться из ситуации.

Но вместо того чтобы ответить, я сделала единственное разумное, на что была способна в тот момент: юркнула обратно под одеяло, натянула его с головой и свернулась клубочком, молясь всем богам, чтобы земля раскрылась и поглотила меня целиком.

Я больше никогда не покажусь на люди, — думала я в панике. Я останусь под этим одеялом до конца жизни. Буду питаться крошками от эклеров и умру от стыда в возрасте ста двенадцати лет.

— Хм, — раздался задумчивый голос лорда Ардгана. — И вы действительно считаете, что эта молодая дама способна самостоятельно вступить в сделку с «Блаженными Вратами»?

— Нет-нет, это совершенно исключено, — отозвался лорд Первич. И в его голосе, к моему ужасу, послышались нотки... веселья?

Из-под одеяла я услышала, как Эларат произнёс что-то тихим, низким голосом — слов я не разобрала, но тон был явно недовольным. Шаги удалились к двери. Раздался тихий разговор в коридоре, потом — звуки удаляющихся шагов.

А я всё ещё лежала под одеялом, обхватив колени руками, и чувствовала, как моё сердце колотится где-то в районе горла.

III. Ариетта и зеркало

— Миледи? — раздался тихий, мягкий голос.

Я приподняла край одеяла ровно настолько, чтобы увидеть краешек двери. В комнату вошла девушка в униформе горничной. На вид — моя ровесница, но в её глазах читалась такая мудрость и спокойствие, которых я не видела даже у старых профессоров.

— Меня зовут Ариетта, — произнесла она, слегка улыбнувшись. — Я здесь, чтобы позаботиться о вас. Хотите горячего чая? Или, может быть, вы предпочтёте сначала... э-э... избавиться от одеяла?

Я медленно, очень медленно высунула голову из-под укрытия. Моё лицо, наверное, было цвета спелого помидора.

— Чай, — хрипло произнесла я. — И... извините за подушку.

Ариетта рассмеялась — тихо, тепло, без тени насмешки.

— Не волнуйтесь, миледи. Садовник Томас привык. Прошлую зиму в него тоже попала подушка. Только та была меньше.

Я не удержалась и фыркнула. Смех вырвался сам собой — нервный, короткий, но искренний.

Ванна оказалась божественной.

Горячая вода с ароматными маслами расслабила напряжённые мышцы, смыла липкий страх последних дней. Я лежала в пене, закрыв глаза, и позволяла себе на несколько минут забыть обо всём — о допросе, о контракте, о «Блаженных вратах», о том, что я четверо суток провалялась без сознания в чужом доме.

Но стоило мне выйти из воды и обернуться в мягкое полотенце, как Ариетта и две другие горничные, которые до этого тихо сутились в соседней комнате, вдруг замерли.

— Госпожа Ариетта, — тихо произнесла одна из них, не сводя глаз с моей спины. — Обратите внимание...

Я обернулась, насколько позволяло полотенце.

— Лифа... — Ариетта подошла ближе, её голос стал серьёзным. — У тебя на спине... узор.

— Какой узор?

— Тонкие линии. Они складываются в рисунки, напоминающие цветы пионов. И эти узоры... они идут вплоть до кистей рук.

Я нахмурилась и осторожно провела рукой по спине. Пальцы ощутили слабые выпуклости, словно татуировка была не на коже, а под кожей. И эти линии... они были тёплыми. Почти горячими.

Сердце забило чаще.

— Это... это всегда было у меня? — прошептала я.

Ариетта покачала головой.

— Нет, милая. Это проявилось сегодня. Когда вы были без сознания.

Прежде чем я успела осмыслить эту новость, горничные уже подхватили меня под руки и усадили перед большим трюмо. Они ловко, но настойчиво расчесали мои мокрые волосы, начали укладывать их, приговаривая что-то о «подходящем наряде для ужина».

— Лифа, тебе удивительно идёт этот цвет волос, — задумчиво произнесла Ариетта, разглядывая меня в зеркале. — Такой яркий, насыщенный. Никогда бы не подумала, что у тебя была с собой такая редкая краска.

Я моргнула.

— Какая... краска?

— Ну, та, которой ты, видимо, случайно покрасила волосы в ванне. Очень удачная случайность, надо сказать.

Я уставилась на своё отражение.

И замерла.

Из зеркала на меня смотрела незнакомка.

Мои средне-русые волосы — те самые, которые я знала всю жизнь, которые были обычными, ничем не примечательными — исчезли. Вместо них по плечам струились языки пламени. Ярко-красные, с глубокими переливами цвета спелой сливы, они казались живыми, словно в них плясали настоящие искры.

— Нет-нет-нет! — выпалила я, отскакивая от зеркала так резко, что чуть не опрокинула табурет. — Что это такое?! Это же мои волосы! Почему они стали красными?!

Я лихорадочно затрогала пряди пальцами. Они были мягкими, тёплыми, живыми. И да, кончики пальцев слегка окрасились, словно я и правда сунула их в банку с краской.

— Неужели это связано с одеждой? — бормотала я, тряся головой. — Или краска на рубашке как-то повлияла? Ариетта, это же можно смыть, правда? Скажите, что можно!

Горничная мягко улыбнулась, но в её глазах мелькнуло что-то странное — намёк, который я не могла разгадать.

— Миледи, ваши волосы выглядят восхитительно. Красный цвет идеально сочетается с вашим нарядом.

— Но почему именно красный?! — почти взвизгнула я.

— Видимо, тот флакон, который вы случайно выбрали, действует уникальным образом, — уклончиво ответила Ариетта. — Возможно, это воздействие какой-то магической субстанции в составе.

Магической субстанции.

Я посмотрела на своё отражение ещё раз. Красные волосы. Незнакомые узоры на спине, которые пульсировали в такт моему сердцу. Странное тепло, которое я чувствовала внутри — не жар болезни, а что-то иное, живое, дышащее.

Что со мной происходит?

IV. Ужин

Вечером меня провели в маленькую, уютную столовую. Не в огромный зал, а в комнатку с камином, где горели свечи, а на столе были накрыты блюда на двоих.

Эларат уже ждал.

Он сменил парадный мундир на более простой, но не менее безупречный наряд: тёмно-синий камзол с серебряной вышивкой по воротнику, чёрные брюки, высокие сапоги. Его светлые волосы были собраны в хвост, открывая острый профиль и высокие скулы.

Он остановился, увидев меня. И на мгновение — всего на одно, короткое, почти неуловимое мгновение — в его серовато-синих глазах мелькнуло что-то, что я не могла назвать иначе

как *узнаванием*. Не удивление. Не интерес. А именно узнавание — словно он увидел кого-то, кого давно искал. Или кого-то, кого давно боялся увидеть.

Затем его лицо снова стало непроницаемым, как мраморная маска.

— Леди Кроус, — произнёс он, подходя к столу. Его голос был ровным, но в нём слышалось напряжение, натянутая струна. — Вы выглядите... иначе.

— Это из-за краски, — поспешно ответила я, теребя прядь волос. — Горничные говорят, что моя одежда была обработана какой-то субстанцией. Я не нарочно. Я могу смыть это, если вам это не нравится. Я найду способ...

— Нет.

Это слово прозвучало так твёрдо, что я вздрогнула. Он уже сидел напротив меня, наливая вино в хрустальный бокал. Его пальцы были длинными, аристократичными, с тонкими серебряными кольцами. И эти же пальцы чуть-чуть дрогнули, когда он поднимал бокал.

— Оставьте как есть, — добавил он тише, не поднимая глаз. — Вам идёт этот цвет.

Я не знала, что ответить. Комплимент от человека, который час назад допрашивал меня под действием сыворотки правды, прозвучал почти оскорбительно.

Начался ужин — молчаливый, напряжённый, полный недосказанности. Блюда подавали бесшумные слуги: суп из лесных грибов, запечённая дичь с травами, фрукты в меду. Я почти не ела — кусок застревал в горле. Эларат ел мало, пил ещё меньше, и всё время, пока мы сидели, я чувствовала на себе его взгляд.

Он изучал меня. Не как студентку. Не как подозреваемую. А как... загадку, которую он боялся разгадать.

— Лорд Маркс, — не выдержала я наконец, отставляя бокал. — Почему я здесь? Почему не в академии, не под следствием, не в тюрьме, в конце концов? Вы сказали — домашнее обучение. Но это не похоже на обучение. Это похоже на...

— На что? — приподнял он бровь.

— На плен, — выпалила я.

Он усмехнулся. Впервые за весь вечер — настоящая усмешка, кривая, горькая.

— Если бы это был плен, леди Кроус, вы бы не смогли так свободно выражать своё мнение. И уж точно не бросали бы в меня подушками.

Моё лицо вспыхнуло. Он помнит. Конечно, он помнит — подушка улетела в окно при нём.

— Тогда что это? — настойчиво спросила я. — Вы говорите, что контракт поддельный. Что кто-то стёр мою память. Но вы не сказали — кто. И зачем. И почему... почему вы смотрели на меня в кабинете так, словно знали меня всю жизнь?

Его рука, державшая бокал, замерла в воздухе. На мгновение мне показалось, что он ответит. Что он расскажет всё. Но он лишь медленно поставил бокал на стол и провёл пальцем по его краю.

— Вы задаёте слишком много вопросов, Лифиния, — тихо произнёс он. И впервые за весь вечер он назвал меня по имени. Не «мисс Кроус». Не «леди Кроус». А *Лифиния*. От этого звука по спине пробежали мурашки. — Некоторые ответы могут оказаться тяжелее вопросов.

— Я имею право знать! — голос мой сорвался. — У меня убили родителей, когда мне было семь. У меня украли воспоминания. У меня украли даже мою внешность — посмотрите на мои волосы! Я не знаю, кто я!

— Знаете, — ответил он, и в его голосе прозвучала такая боль, что я замолчала. — Вы знаете больше, чем думаете. Просто ещё не готовы это принять.

Он встал из-за стола. Я тоже порывалась встать, но он мягко, почти неуловимым движением, остановил меня:

— Сидите. Пожалуйста.

И тогда я спросила то, что мучило меня с самого утра:

— Мой медальон. Где он?

Эларат замер. Он стоял ко мне спиной, у высокого окна, за которым уже сгустились сумерки. Его силуэт был резок и неподвижен, как изваяние.

— Я сохранил его, — произнёс он наконец, не оборачиваясь. — Лично.

— Почему?

— Потому что... — он помедлил. — Потому что это единственное, что у вас осталось от них. А я... — он резко оборвал себя и повернулся ко мне. В его глазах было что-то, от чего у меня перехватило дыхание. — Я не забираю у сирот последнее. Даже если эта сирота — подозреваемая в сотрудничестве с «Блаженными вратами».

Он подошёл ко мне. Медленно, словно боясь спугнуть. Остановился в шаге от моего стула — ровно в том расстоянии, которого требовал этикет. Или... которого требовало что-то другое.

— Дайте мне, — протянула я руку.

Он не двинулся. Смотрел на мою протянутую ладонь так, словно это была пропасть, через которую он не мог перешагнуть.

— Не сейчас, — сказал он тихо. — Когда вы будете готовы. Когда вы... поймёте.

— Что пойму?!

— Что этот медальон — не просто украшение, — произнёс он, и его голос стал почти шёпотом. — Это печать вашего рода. И она... пробудилась. Как и вы.

Моё сердце пропустило удар.

— Какого рода? — прошептала я.

Он не ответил. Вместо этого он сделал то, чего я никак не ожидала.

Он поднял руку — медленно, почти неохотно — и кончиками пальцев коснулся моей щеки.

Один лёгкий, почти невесомый штрих.

И в тот же миг я почувствовала его. Не его кожу. Не его тепло. А что-то гораздо более глубокое — словно в моей груди отозвалась чужая боль, древняя, тяжёлая, вековая. Одновременно с этим он резко отдернул руку, поморщившись, и я увидела, как на его пальцах выступили крошечные капельки крови.

— Простите, — выдохнул он, отступая на шаг. Его лицо было бледным, как полотно. — Я забылся.

— Что это было? — прошептала я, прижимая ладонь к щеке, где он меня коснулся. Щека горела. Не от обиды. От настоящего жара.

— Ничего, — отрезал он, и в его голосе снова зазвучала сталь. — Забудьте. Вы устали. Ариетта проводит вас в спальню. Завтра начинаются ваши занятия.

— С кем? — спросила я, но он уже шёл к двери.

— Со мной, — бросил он через плечо.

И вышел.

V. Галерея портретов

Ариетта ждала в коридоре. Она молча взяла меня под руку и повела по бесконечным коридорам дома лорда Первича. Я шла, как в тумане. Щека всё ещё горела. Пальцы Эларата — те, что выступили кровью — стояли у меня перед глазами.

— Ариетта, — тихо произнесла я, когда мы поднимались по винтовой лестнице. — Что он имел в виду? Печать моего рода? У меня не было никакого рода. Мои родители были простыми травниками.

Горничная остановилась на полулите. В тусклом свете факела её лицо казалось старше, чем днём. Гораздо старше.

— Миледи... Лифа, — произнесла она, и в её голосе дрожали нотки, которых я раньше не слышала. — Есть вещи, о которых я не имею права говорить. Но одно я скажу. Тот цвет волос,

который теперь у вас... я видела его однажды. Давно. На портрете в закрытом крыле поместья. Портрете женщины, которая умерла больше трёхсот лет назад.

— И как её звали?

Ариетта сглотнула.

— Её звали **Афиния**. Афиния Кроус. Первая из вашего рода. И... последняя, пока не родились вы.

Она дёрнула меня за рукав, торопя дальше.

— Пойдёмте. Вам нужно отдохнуть. Завтра лорд начнёт ваши занятия. И поверьте мне, милая, — она остановилась у двери моей спальни и посмотрела мне прямо в глаза, — вам понадобится весь ваш сон. Потому что то, что он будет с вами делать... это не обучение магии. Это подготовка.

— Подготовка к чему? — прошептала я.

Она не ответила. Только тихо, почти беззвучно произнесла:

— К тому, что было написано в звёздах за тысячу лет до вашего рождения.

Дверь закрылась за ней. Я осталась одна в огромной спальне, освещённой лишь лунным светом, льющимся из высокого окна. Медленно, словно во сне, я подошла к зеркалу.

Огненно-рыжие волосы. Чужие глаза. И где-то там, на спине, узоры, которые я не могла увидеть, но чувствовала каждой клеточкой кожи. Они пульсировали. В такт моему сердцу. В такт чему-то ещё — далёкому, древнему, зовущему.

Я прижала ладонь к щеке, там, где меня коснулся Эларат. Жар не утихал.

И впервые за весь день я позволила себе подумать то, чего боялась больше всего:

А что, если я действительно не та, кем себя считала?

А что, если моя настоящая жизнь только начинается?

А что, если она будет очень, очень короткой?

За окном, в ночном небе, вспыхнула одинокая звезда — красная, как кровь, как волосы моей матери, как узоры, проступающие на моей коже.

А где-то в глубине поместья, в запертом кабинете, освещённом лишь камином, лорд Эларат Маркс сидел один.

На его столе не было бумаг. Не было отчётов.

Он сидел, сжимая в окровавленной ладони старый, потемневший от времени серебряный медальон с выгравированной птицей в круге пламени. Металл был горячим, почти раскалённым, но он не разжимал пальцев.

Он смотрел на капли своей крови, которые медленно засыхали на его коже — крови Стража, которая больше не могла касаться Ключа, не причиняя боли.

И впервые за много лет по его бледной щеке скатилась одинокая слеза, упав на холодное серебро медальона.

Потому что он знал то, чего ещё не знала она.

Он знал, как закончится эта история.

И он знал, что ничто — ни магия, ни власть, ни сама смерть — не сможет её изменить.

ГЛАВА 3. Возвращение в Академию, или Пожар, который всё изменил

I. Утро в карете

Карета качнулась на очередной кочке, и я едва не стукнулась виском о резное дерево дверцы. За окном мелькали деревья — те самые, что росли вдоль дороги от поместья лорда Первичка к Столице. Их кроны уже начали желтеть, и ветер срывал с них листья, кружа их в воздухе, словно маленьких золотых бабочек.

Я сидела, прижавшись лбом к холодному стеклу, и пыталась осмыслить происходящее.

Возвращение в Академию.

Слова Ариетты, сказанные утром за чаем, всё ещё звучали у меня в ушах: — Господин посчитал, что ваше домашнее обучение в поместье было... недостаточно структурированным. Вы должны продолжить занятия в Академии. Под его непосредственным руководством.

Под его непосредственным руководством.

Я провела пальцами по пряди волос — тяжёлой, горячей, живой. Красной. За ночь я так и не привыкла к этому. Каждое утро, просыпаясь, я на секунду забывала, кто я. А потом видела в зеркале незнакомку с огненными волосами и чужими, светящимися в полумраке глазами — и вспоминала.

Вспоминала всё.

Сны о родителях. Пробуждение в чужой постели. Подушку, улетевшую в окно. Ужин с Эларатом. Его палец, коснувшийся моей щеки и оставивший на своей коже капли крови. Узоры на спине, которые пульсировали в такт моему сердцу. Портрет Афинии Кроус — женщины, умершей триста лет назад и смотревшей на меня из рамы моими собственными глазами.

И его слова: *«Это печать вашего рода. И она пробудилась. Как и вы».*

Я закрыла глаза.

Печать рода.

Слово, которое должно было звучать величественно. А звучало — как приговор.

Потому что в легендах те, на ком лежала древняя печать, всегда гибли. Всегда умирали. Всегда возвращались — но уже не теми, кем были.

А я хочу остаться собой, — упрямо подумала я. Хочу быть просто Лифой. Травницей. Студенткой, которая не может запомнить простейшее заклинание. Девушкой, которая спорит с торговцами на рынке за медяки.

Но та Лифиния умерла. Вместе с той ночью, когда в её руках вспыхнул огонь, спасая раненую фею.

Карета остановилась.

Я подняла глаза. За стеклом — массивные дубовые ворота Академии, окованные железом. Те самые, через которые я входила и выходила сотни раз. Но сегодня они казались другими. Чужими.

Словно это была не Академия. А клетка, в которую меня возвращали.

II. Коридоры, которые шептали

Я вышла из кареты, и ноги мои сразу провалились в холодную лужу. Осень в Столице в этом году была ранней — воздух пах мокрой листвой, дымом из труб и чем-то ещё — чем-то металлическим, тревожным.

Озоном, — понял мой внутренний голос. Запахом магии перед грозой.

Я поправила плащ — тяжёлую тёмно-серую ткань, которую дала мне Ариетта. Капюшон должен был скрыть волосы, но я знала: это ненадолго. В Академии плащи носят только на улице. В коридорах — мантии. А мантии с капюшонами — только у преподавателей.

Студентке в капюшоне сразу же зададут вопросы.

Я шагнула внутрь.

Первое, что меня ударило, — это тишина.

Академия никогда не была тихой. Всегда — гул голосов, скрип мантий, звон магических кристаллов, рёв профессора Хеллпса с четвёртого этажа. Но сегодня коридоры казались вымершими. Стены — слишком высокими. Факелы — слишком тусклыми.

Они знают, — пронеслось у меня в голове. Они уже знают.

Я шла медленно, стараясь ступать бесшумно. Мои сапожки — новые, мягкие, подаренные Ариеттой — почти не издавали звука. Но всё равно — каждый мой шаг отдавался эхом в каменных сводах, как удары молотка по наковальне.

На повороте к лестнице я столкнулась с двумя первокурсницами. Они шли, прижавшись друг к другу, и о чём-то шептались. Увидев меня, они замерли. Их глаза — широкие, испуган-

ные — пробежали по моему плащу, по капюшону, под которым всё равно предательски выбивалась прядь огненно-красных волос.

Одна из девочек ахнула. Тихо, почти беззвучно. Но в этом звуке было столько ужаса, что у меня сжалось сердце.

— Мисс Кроус... — прошептала она, и её подруга дёрнула её за рукав, шипя: — Тсс! Не смотри на неё! Мама говорила, что на таких нельзя смотреть!

— На каких? — тихо спросила я, хотя знала ответ.

Девочка побледнела ещё сильнее. Она попятилась, споткнулась о собственную мантию и чуть не упала. Её подруга схватила её за руку и потащила прочь — быстро, почти бегом.

Я осталась стоять посреди коридора, чувствуя, как внутри поднимается что-то холодное и липкое.

На таких.

Кто — "таких"?

Студенток с красными волосами? Сирот, которые подписывают контракты с работоторговцами? Девушек, которые устраивают пожары?

Я жала кулаки. Пламя — моё собственное, живущее под кожей — отозвалось на мою ярость лёгким покалыванием в кончиках пальцев. Я заставила себя дышать. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

Не здесь, — сказала я себе. Не сейчас. Ты не можешь позволить им увидеть, что ты боишься. Ты не можешь позволить им увидеть, что ты — это ты.

Я шагнула дальше.

III. Лекция, на которую я опоздала

Аудитория номер семь находилась на четвёртом этаже, в конце длинного коридора, увешанного портретами прежних директоров. Их глаза — написанные маслом, холодные, оценивающие — следили за мной с каждого полотна. Мне казалось, что они знают. Что они помнят. Что они шепчутся за моими спиной, когда я прохожу.

Вот она. Последняя.

Глупости, — одёрнула я себя. Портреты не шепчутся. Это ты начинаешь сходить с ума.

Дверь аудитории была закрыта. Из-за неё доносились приглушённые голоса — лекция уже шла. Я замерла, собираясь с духом.

Что я скажу? "Профессор, извините за опоздание, я была без сознания три дня после ритуала с феей, а ещё у меня теперь красные волосы и на спине узоры, которые пульсируют, как сердце"?

Звучит убедительно. Хеллис сейчас так растрогается, что расплачется.

Я толкнула дверь.

Она отворилась со скрипом — и все головы в аудитории повернулись ко мне.

Десятки глаз. Студентов. Преподавателей. И — что меня по-настоящему напугало — нескольких взрослых мужчин в чёрных мантиях, которых я раньше не видела. Гости? Инквизиторы? Я не знала. Но их взгляды были тяжёлыми, оценивающими — как у людей, которые привыкли взвешивать души на весах.

И все они смотрели на мои волосы.

Капюшон сполз, когда я толкала дверь. Огненно-красные, тяжёлые, живые — они струились по плечам, словно в них плясали настоящие искры. В тусклом свете аудитории они казались почти светящимися.

Тишина была оглушающей.

А потом —

— КРОУС!!!

Профессор Морган Хеллпс стоял у кафедры. Его лицо было багровым, левая бровь подёргивалась так быстро, что казалась размытой. В руках он сжимал указку так крепко, что та трещала пополам.

Но в этот раз — в этот единственный раз — в его крике не было привычного гнева.

В нём был страх.

— Вы... — он запнулся, и я увидела, как его кадык дёрнулся. — Вы...

— Здравствуйте, профессор, — тихо произнесла я. — Я...

— Три дня, — перебил он меня. И в его голосе впервые за всё время, что я его знала, не было рёва. Только усталость. Только... что-то похожее на облегчение. — Три дня вы прогуливали мои лекции, мисс Кроус. Три дня.

Он помолчал. Провёл рукой по лицу — жест, который я никогда раньше у него не видела. Жест человека, который не знает, что делать с собой.

— Пройдите... — он запнулся. — Пройдите в кабинет директора. Немедленно.

Я моргнула.

— Профессор, я...

— Немедленно, мисс Кроус, — повторил он. И в его голосе снова зазвучала сталь. Но я уже видела — это была сталь, которую он сам себе приказал изобразить. Под ней дрожало что-то другое.

Я кивнула. Развернулась к двери.

И тут —

— Смотрите... — прошептал кто-то за моей спиной. — Это та самая Кроус. Та, что в кабинете директора была.

— У неё волосы... красные, как у ведьмы...

— Тсс! Она услышит!

— Говорят, она подписала контракт с "Блаженными вратами"...

— А я слышала, она сожгла свою мастерскую. Специально. Чтобы скрыть следы...

Шёпот. Тысяча шёпотов. Они липли к моей спине, как паутина. Я шла, не оборачиваясь, чувствуя, как каждый шаг даётся всё тяжелее.

Ведьма.

Контракт.

Сожгла мастерскую.

Они не знают правды. Они никогда не узнают правды.

Я вышла в коридор. Закрыла за собой дверь. И только тогда позволила себе выдохнуть.

Дрожащей рукой отерла лоб. На пальцах остался холодный пот.

Ну что ж, Лифа, — подумала я с какой-то дикой, истеричной иронией. Ты вернулась. И теперь все знают, что у тебя красные волосы. Все знают, что ты была в кабинете директора. Все знают, что ты — "ведьма".

Отличное начало учебного дня.

IV. Кабинет, который помнил всё

Кабинет директора был на том же месте. Четвёртый этаж. Мужское крыло. Массивная дубовая дверь, окованная железом.

Я стояла перед ней, чувствуя, как сердце колотится где-то в районе горла.

А что, если он не примет меня? Что, если передумал? Что, если всё это было ошибкой — и красные волосы, и узоры, и сны о родителях?

Я постучала.

— Входите, — донёсся из-за двери знакомый, властный голос.

Я толкнула дверь и вошла.

Эларат сидел за массивным столом из красного дерева. На нём — те же пергаменты, те же чернильницы, те же сургучные печати. Окно за его спиной было открыто, и ветер шевелил тяжёлые бархатные шторы, отбрасывая на стены пляшущие тени.

Но сегодня он выглядел иначе.

Не таким холодным. Не таким отстранённым.

На нём не было парадного мундира с серебряными аксельбантами. Простая тёмно-синяя рубаша, закатанная до локтей. Светлые волосы, обычно безупречно собранные в хвост, падали на лицо мягкими прядями — словно он долго проводил по ним рукой.

И в его серовато-синих глазах было что-то, чего я раньше не видела.

Усталость.

Настоящая. Глубокая. Та, что копится годами и не проходит от сна.

Он поднял голову, увидев меня. И на мгновение — всего на одно, короткое, почти неуловимое мгновение — в его глазах мелькнуло что-то похожее на... *облегчение*.

— Мисс Кроус, — произнёс он. И в его голосе не было той стали, что вчера. Только... ровность. — Профессор Хеллс сообщил мне, что вы благополучно добрались до Академии.

— Да, милорд, — ответила я, чувствуя, как лицо загорается жаром. — Я...

— И что вы опоздали на его лекцию, — продолжил Эларат. И на его губах — впервые за всё время, что я его знала — мелькнула тень усмешки. Кривой, горькой, но... усмешки. — И что он был в ярости.

Я моргнула.

Он знает. Он знает, что Хеллс орал. Он знает, что я опоздала. Он... он, наверное, слышал рёв из своего кабинета.

— Милорд, — начала я, чувствуя, как внутри поднимается волна то ли смеха, то ли отчаяния. — Я... я не хотела... я была...

— Без сознания, — закончил он за меня. — Три дня. Я знаю.

Я замерла.

— Вы... знаете?

— Конечно, — он отложил перо и посмотрел на меня прямо. — Я же привёз вас в поместье лорда Первича, мисс Кроус. Я же видел, как вы... не просыпались.

Привёз вас.

Он сам привёз меня. Не слуги. Не посланцы. Он сам.

Я смотрела на него, и в моей голове медленно, как мозаика, складывалась картина.

Он сидел у моей кровати четверо суток. Он не спал. Он держал мою руку — ту самую руку, прикосновение к которой причиняло ему боль. Он говорил с врачами. Он приказывал мне выжить.

Зачем?

Этот вопрос висел в воздухе между нами, тяжёлый, как свинец.

— Милорд, — тихо произнесла я. — Зачем вы вернули меня сюда?

Эларат медленно встал из-за стола. Он обошёл его, подошёл ко мне — и остановился в шаге. Так близко, что я чувствовала запах его кожи — морозной свежести, старого пергамента и чего-то ещё — чего-то родного и пьянящего, что я не могла назвать.

— Потому что, — тихо произнёс он, — здесь вы в безопасности. Здесь вас видят все. И здесь... здесь я могу наблюдать за вами.

Наблюдать.

Это слово прозвучало странно. Не «защищать». Не «учить». А «наблюдать».

— Наблюдать за чем? — спросила я, чувствуя, как внутри поднимается холодок.

Он посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом. В его глазах боролись какие-то демоны — я видела это. Он хотел сказать. Я чувствовала это каждой клеточкой кожи.

Но он лишь глубоко вздохнул и сказал:

— За вашим пробуждением, мисс Кроус. За тем, как ваша сила... раскрывается.
Я моргнула.

— Моя сила?

— Да, — он помедлил. — Та самая, что проявилась в ваших волосах. В узорах на вашей спине. В том, что медальон нагрелся, когда вы его коснулись.

Моё сердце пропустило удар.

Он знает про узоры. Он знает про медальон. Он знает всё.

— Милорд, — прошептала я. — Что со мной происходит?

Он не ответил сразу. Он смотрел на меня — на мои красные волосы, на мои испуганные глаза, на мои дрожащие руки — и в его взгляде было столько всего, что я не могла это разгадать. Боль? Вина? Что-то большее?

— Вы — Феникс, мисс Кроус, — тихо произнёс он наконец. — Последняя из своего рода. И ваша сила... она пробуждается.

Феникс.

Это слово упало на меня, как камень. Как тот самый камень, что упал в колодец моей души, когда я впервые увидела свои красные волосы.

— Феникс, — повторила я, чувствуя, как внутри поднимается волна то ли смеха, то ли паники. — Но... Фениксы — это миф. Сказки для детей.

Он горько усмехнулся.

— Мифы часто оказываются правдой, мисс Кроус. Особенно те, что стараются забыть.
Я смотрела на него, чувствуя, как мир вокруг меня начинает вращаться.

Феникс. Последняя. Моя сила пробуждается.

— Почему вы мне не сказали раньше? — голос мой дрогнул. — Почему вы позволяли мне думать, что я обычная студентка? Обычная травница?

— Потому что правда могла бы вас убить, — тихо ответил он. — Знание — это мишень на спине. Пока вы не знали, кто вы, вы были в безопасности. Теперь...

Он оборвал себя, и я увидела, как напряглись мышцы его челюсти.

— Теперь что? — настойчиво спросила я.

— Теперь за вами охотятся все, кто боится вашей силы, — закончил он. — И «Блаженные врата» — лишь самые отчаянные из них.

Я закрыла глаза.

Охотятся. Боятся. Силы.

Всё это было слишком. Слишком много для одного дня. Для одной жизни.

— Милорд, — тихо произнесла я. — Что мне делать?

Он подошёл ближе. Так близко, что я чувствовала его дыхание на своей коже.

— Учитесь, — сказал он. — Учитесь контролировать свою силу. Учитесь защищаться.
И... — он помедлил. — И доверяйте мне.

Доверяйте.

Это слово прозвучало странно. После всего, что произошло. После допроса с сывороткой правды. После того, как его пальцы оставили кровь на моей щеке.

— А вы? — спросила я, глядя ему прямо в глаза. — Вы мне доверяете?

Он замер.

И на мгновение — всего на одно, короткое, почти неуловимое мгновение — в его глазах мелькнуло что-то. Не вина. Не боль. А... страх?

— Больше, чем вы думаете, мисс Кроус, — тихо произнёс он.

V. Пожар

Он отпустил меня через час.

За этот час он рассказал мне немного — о Фениксах, о проклятии, о «Блаженных вратах». Но не всё. Я чувствовала это. Он что-то скрывал. Что-то большое. Что-то, от чего его пальцы дрожали, когда он касался пергамента.

Но он дал мне кое-что другое.

Он дал мне комнату. В Академии. В том самом крыле, где жили студенты старших курсов. И он дал мне наставника.

— Лукос, — сказал он, когда я спросила, кто будет меня учить. — Он будет приходить каждый день. Он научит вас контролировать силу.

Лукос.

Я вспомнила его — высокого, тёмноволосого, с багровым шрамом на лице. Того, кто был с Эларатом в кабинете в первый день. Того, кто смотрел на меня так, словно знал больше, чем говорил.

— Он... он ваш друг? — спросила я.

Эларат помедлил.

— Он мой... союзник, — сказал он наконец. — И он знает о вас больше, чем кто-либо. Кроме меня.

Кроме него.

Я кивнула, чувствуя, как внутри поднимается странное, тёплое чувство. Не доверие. Не любовь. А что-то между. Что-то, что я не могла назвать.

— Хорошо, — сказала я. — Я согласна.

Следующие три дня прошли в тумане.

Я жила в маленькой комнате на четвёртом этаже — с окном, выходящим в сад. Ела в одиночестве, потому что за мой стол больше никто не садился. Слушала шёпот за спиной. Видела, как студенты отступают в стороны, когда я проходила.

«Смотрите, это та самая Кроус».

«У неё волосы красные, как у ведьмы...».

«Говорят, она сожгла гобелен в аудитории. Специально».

Я слышала. Всё слышала. Но старалась делать вид, что не замечаю.

Утро четвёртого дня началось как обычно — с лекции по защитным заклинаниям с профессором Хеллпсом. Я сидела на задней парте, стараясь не привлекать внимания. Но это было невозможно. Мои красные волосы, словно языки пламени, притягивали взгляды, как магнит — железные опилки.

— Мисс Кроус, — раздался голос Хеллпса, и я вздрогнула так, что чуть не уронила перо. — Не могли бы вы продемонстрировать классу заклинание защитного барьера?

Я медленно поднялась. Ноги дрожали. Ладони вспотели.

Только не это, — подумала я. Только не при всех.

— Профессор, — тихо произнесла я. — Может быть, кто-то другой...

— Мисс Кроус, — его голос стал строже. — Вы студентка четвёртого курса. Вы должны уметь это делать. Или вы забыли, как?

Класс захохотал. Я почувствовала, как лицо загорается жаром. Не от смущения. От чего-то другого. От того самого жара, что жил под моей кожей, пульсировал в такт моему сердцу.

Я подняла руки. Попыталась сосредоточиться. Попыталась вспомнить слова заклинания.

Щит... защитный барьер... круг...

Но вместо того чтобы создать прозрачный, мерцающий щит, я почувствовала, как жар поднимается из глубины, из самой сути моего существа. Он был не просто горячим — он был живым. Он требовал выхода.

— Лифа, что ты делаешь? — прошептал кто-то из одноклассников.

Я открыла глаза и увидела, что мои руки окутаны пламенем. Не искрами. Настоящим огнём. Ярко-красным, с золотыми прожилками.

— Остановись! — крикнул Хеллпс, отскакивая назад.

Но я не могла. Жар требовал выхода. Пламя вырвалось из меня сплошным потоком, ударив в ближайшую стену. Гобелен, висевший на ней — древний, с изображением первой войны магов, — мгновенно вспыхнул. Огонь начал распространяться, поднимаясь к потолку, цепляясь за деревянные балки.

Класс взорвался паникой. Студенты бросились к дверям, толкая друг друга. Кто-то кричал. Кто-то плакал. Девочка, которая утром шептала подруге "на таких нельзя смотреть", упала в давке, и её едва не растоптали.

— Пожар! Пожар в аудитории!

Я стояла посреди этого хаоса, не в силах пошевелиться. Мои руки всё ещё были окутаны пламенем. Я не понимала, как это остановить. Как вернуть всё назад.

Я убью кого-нибудь, — пронеслось у меня в голове. Я убью их всех.

И тогда дверь распахнулась.

— Лифиния Кроус! — раздался голос, и я увидела, как в аудиторию ворвался Эларат.

Его лицо было бледным, но в глазах горела та самая сталь, что я видела в первый раз, когда он смотрел на меня. Мантия развевалась за спиной, словно крылья.

— Прекрати это! — рявкнул он. — Немедленно!

Он подошёл ко мне. Так близко, что я чувствовала запах его кожи — морозной свежести, старого пергамента. Огонь вокруг меня ревел, жара было такой, что со стен начала сыпаться штукатурка. Но он не отступил.

Он поднял руку.

И коснулся моего плеча.

VI. Прикосновение, которое не обожгло

В этот момент произошло нечто странное.

Огонь не погас. Но он перестал быть горячим. Он стал... тёплым. Приятным. Будто солнечный свет в первый день весны.

Я посмотрела на Эларата.

Его лицо было бледным, но он не отдернул руку. Наоборот — его пальцы сжались вокруг моего плеча. Крепко. Словно боясь, что я ускользну.

В его глазах мелькнуло изумление, смешанное с чем-то ещё. С надеждой? С болью?

— Видите? — прошептал он, и его голос был таким тихим, что я едва расслышала сквозь рёв пламени. — Вы можете контролировать это. Просто захотите.

Просто захотите.

Я закрыла глаза.

Я подумала о девочке, которую чуть не растоптали в давке. О её испуганных глазах. О её матери, которая бежала к ней через толпу.

Я не хочу причинять боль, — подумала я. Я не хочу быть оружием. Я не хочу быть тем, кого боятся.

Я захотела, чтобы огонь исчез. Чтобы всё вернулось назад. Чтобы я снова стала обычной студенткой, которая не может запомнить простейшее заклинание.

Пламя медленно, неохотно, начало угасать. Искры погасли. Дым рассеялся. Аудитория была покрыта сажей, гобелен — обуглен, но огонь больше не бушевал.

Я опустила руки. Они дрожали.

— Простите, — прошептала я, и слёзы хлынули сами собой. — Я... я не хотела...

Эларат не ответил сразу. Он просто смотрел на меня — на мои красные волосы, на мои испуганные глаза, на мои дрожащие руки — и в его взгляде было столько всего, что я не могла это разгадать.

Потом он медленно, очень медленно, убрал руку с моего плеча.

И я увидела.

На его пальцах — там, где он касался моей кожи сквозь ткань мантии — выступили крошечные капельки крови.

Снова.

Он заметил мой взгляд. Его челюсть напряглась. Но он не стал прятать руку. Наоборот — он повернул её ладонью вверх, показывая мне эти капли.

— Это ничего, — тихо сказал он. — Это... пройдёт.

Это не пройдёт, — подумала я. *Это никогда не пройдёт.*

— Мисс Кроус, — наконец произнёс он, и в его голосе не было уже той стали. Только усталость. — Пройдёмте в кабинет Совета. Немедленно.

VII. Приговор

Кабинет Совета директоров находился на пятом этаже, в самом центре Академии. Я шла за Эларатом, чувствуя, как ноги становятся ватными. Коридоры были пустыми — все студенты и преподаватели были эвакуированы после пожара.

Пожар, — думала я, и внутри поднималась волна то ли смеха, то ли паники. *Я устроила пожар в академии. Я, Лифиния Кроус, студентка четвёртого курса, которая не могла запомнить простейшее заклинание. Теперь меня точно отчислят.*

Дверь кабинета отворилась, и я вошла внутрь.

За массивным столом из красного дерева сидели трое мужчин. Эларат, лорд Первич и лорд Ардган. Те самые, что допрашивали меня под действием сыворотки правды. Те самые, что отправили меня в поместье лорда Первича.

Я остановилась в центре комнаты, чувствуя, как сердце колотится где-то в районе горла.

— Мисс Кроус, — начал Эларат, и его голос был ровным, но в нём слышалось напряжение. — То, что произошло сегодня... это не просто нарушение правил. Это... феномен.

— Феномен? — переспросила я, чувствуя, как внутри поднимается холодок.

— За последние двадцать лет, — продолжил лорд Первич, — ни один студент Академии не демонстрировал подобной силы. Неконтролируемой. Разрушительной.

— Я не хотела, — прошептала я. — Я не понимала, как это остановить...

— Мы понимаем, мисс Кроус, — тихо произнёс лорд Ардган. И в его голосе не было той насмешки, что раньше. Только... что-то похожее на жалость. — Но вы должны понимать, что мы не можем позволить вам оставаться в Академии. Не сейчас. Не пока вы не научитесь контролировать свою силу.

Я замерла.

Не сейчас. Не пока вы не научитесь.

— Что вы имеете в виду? — спросила я, и голос мой дрогнул.

Эларат медленно встал. Он обошёл стол, подошёл ко мне — и остановился в шаге. Так близко, что я чувствовала запах его кожи.

— Мы приняли решение, — тихо произнёс он. — Вы будете переведены на домашнее обучение. В моё поместье. Там вы будете в безопасности. Там... там я смогу наблюдать за вашим пробуждением.

Наблюдать.

Снова это слово.

Он хочет наблюдать за тем, как я превращаюсь в оружие. Или в катастрофу. Или во что-то ещё.

— Наблюдать за чем? — спросила я, чувствуя, как внутри поднимается холодок.

Он посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом. В его глазах боролись какие-то демоны — я видела это. Он хотел сказать. Я чувствовала это каждой клеточкой кожи.

Но он лишь глубоко вздохнул и сказал:

— За вашим пробуждением, мисс Кроус. За тем, как ваша сила... раскрывается.

Я моргнула.

— Моя сила?

— Да, — он помедлил. — Та самая, что проявилась в ваших волосах. В узорах на вашей спине. В том, что медальон нагрелся, когда вы его коснулись.

Моё сердце пропустило удар.

Он знает про узоры. Он знает про медальон. Он знает всё.

— Милорд, — прошептала я. — Что со мной происходит?

Он не ответил сразу. Он смотрел на меня — на мои красные волосы, на мои испуганные глаза, на мои дрожащие руки — и в его взгляде было столько всего, что я не могла это разгадать.

— Вы — последняя из своего рода, мисс Кроус, — тихо произнёс он наконец. — И ваша сила... она пробуждается.

Последняя из своего рода.

Эти слова упали на меня, как камень. Как тот самый камень, что упал в колодец моей души, когда я впервые увидела свои красные волосы.

— Последняя, — повторила я, чувствуя, как внутри поднимается волна то ли смеха, то ли паники. — Но... последняя из какого рода? Мои родители были простыми травниками!

Он горько усмехнулся.

— Иногда правда оказывается тяжелее лжи, мисс Кроус. Особенно та, что стараются забыть.

Я смотрела на него, чувствуя, как мир вокруг меня начинает вращаться.

Последняя. Моя сила пробуждается.

— Почему вы мне не сказали раньше? — голос мой дрогнул. — Почему вы позволяли мне думать, что я обычная студентка? Обычная травница?

— Потому что правда могла бы вас убить, — тихо ответил он. — Знание — это мишень на спине. Пока вы не знали, кто вы, вы были в безопасности. Теперь...

Он оборвал себя, и я увидела, как напряглись мышцы его челюсти.

— Теперь что? — настойчиво спросила я.

— Теперь за вами охотятся все, кто боится вашей силы, — закончил он. — И «Блаженные врата» — лишь самые отчаянные из них.

Я закрыла глаза.

Охотятся. Боятся. Силы.

Всё это было слишком. Слишком много для одного дня. Для одной жизни.

— Милорд, — тихо произнесла я. — Что мне делать?

Он подошёл ближе. Так близко, что я чувствовала его дыхание на своей коже.

— Учитесь, — сказал он. — Учитесь контролировать свою силу. Учитесь защищаться.

И... — он помедлил. — И доверяйте мне.

Доверяйте.

Снова это слово.

— А вы? — спросила я, глядя ему прямо в глаза. — Вы мне доверяете?

Он замер.

И на мгновение — всего на одно, короткое, почти неуловимое мгновение — в его глазах мелькнуло что-то. Не вина. Не боль. А... страх?

— Больше, чем вы думаете, мисс Кроус, — тихо произнёс он.

VIII. Наставник

Он отпустил меня через час.

За этот час он рассказал мне немного — о Фениксах, о проклятии, о «Блаженных вратах». Но не всё. Я чувствовала это. Он что-то скрывал. Что-то большое. Что-то, от чего его пальцы дрожали, когда он касался пергамента.

Но он дал мне кое-что другое.

Он дал мне наставника.

— Лукос, — сказал он, когда я спросила, кто будет меня учить. — Он будет приходить каждый день. Он научит вас контролировать силу.

Лукос.

Я вспомнила его — высокого, тёмноволосого, с багровым шрамом на лице. Того, кто был с Эларатом в кабинете в первый день. Того, кто смотрел на меня так, словно знал больше, чем говорил.

— Он... он ваш друг? — спросила я.

Эларат помедлил.

— Он мой... союзник, — сказал он наконец. — И он знает о вас больше, чем кто-либо. Кроме меня.

Кроме него.

Я кивнула, чувствуя, как внутри поднимается странное, тёплое чувство. Не доверие. Не любовь. А что-то между.

— Хорошо, — сказала я. — Я согласна.

Он посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом. И на мгновение — всего на одно, короткое, почти неуловимое мгновение — в его глазах мелькнуло что-то. Не облегчение. Не радость. А... надежда?

— Тогда до завтра, мисс Кроус, — тихо произнёс он. — Лукос придёт в восемь утра. Не опаздывайте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.